

C. A. ТУЛЕУБАЕВА

АЛЬ-ФАРАБИ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Знаменитый мыслитель и ученый-энциклопедист средневековья Абу Наср Мухаммад аль-Фараби в своем научном поиске уделял большое внимание вопросам языка. Будучи философом, он осознавал тесную связь между языком и мышлением, языком и логикой, языком и речью, языком и историей, языком и культурой. Более того, он был одним из первых философов на Востоке, кто указал на важность языка в постижении мира.

Среди лингвистических проблем, которые находят свою разработку в творчестве аль-Фараби, – вопрос о языковой норме. Данное обстоятельство представляется естественным ввиду того, что средневековая арабская грамматическая теория, как отмечает академик А. Б. Халидов, была для арабской культуры «важным компонентом и важным показателем: оказала большое влияние на самые различные ее стороны, в частности, способствовала поддержанию в обществе высокой языковой культуры и преклонения перед словом» [1, 59].

Будучи выходцем из тюркских земель, аль-Фараби проводит большую часть своей сознательной жизни в центре Арабского халифата. Избрав арабский язык в качестве орудия своего творчества, он впитывает в себя достижения греческого философского наследия, мудрость восточных народов, расширяет свои познания у ученых-представителей христианской веры, совершенствует арабский язык у признанных корифеев в этой области. Являясь полиглазичной и мультикультурной личностью, аль-Фараби считается ярким представителем арабо-мусульманской науки и культуры, имя которого занимает достойное место в истории всей человеческой цивилизации.

Все средневековые хроники указывают на то, что стиль сочинений «Второго учителя» был безупречным с языковой точки зрения. Являясь инофоном, Абу Наср настолько освоил арабский язык, что внес значительный вклад в развитие его терминологии, в частности, философской. Многие термины, разработанные и представленные ученым, по сей день используются в понятийном аппарате арабского языка.

Интерес аль-Фараби к арабскому языку был обусловлен также тем фактом, что язык Корана обрел не только статус государственного языка и языка титульной нации, но и превратился в язык науки и культуры, благодаря имеющейся на нем богатой литературе различного характера, как оригинальной, так и переводной. К тому же, этот язык оказался способным и достойным выполнить высокую миссию орудия творчества. Внутренние возможности арабского языка позволили развивать на нем различные науки и знания. В средние века можно вести речь об арабском языке как языке эпохи. На нем говорили не только представители мусульманской религии, его изучали христиане и иудеи, которые жили бок о бок с арабами. Через арабские переводы Европа ознакомилась с наследием древних и средневековых авторов и в последующем развила свою науку.

Таким образом, аль-Фараби, вращаясь в пространстве арабской культуры и арабского языка, а также в силу своих философских изысканий часто рассматривал в своих трудах те или иные аспекты языка.

Что касается вопроса о языковой норме, то среди трактатов ученика Стагирита, посвященных данной проблематике, особо следует выделить «Книгу букв» («كتاب الحروف») – «Китаб аль-хуруф», в частности, разделы двадцать первый и двадцать второй [2, 137-149]. В своем изыскании мы, сохраняя позицию ученого по данному вопросу, несколько изменили порядок изложения его идей, читая текст двадцать второго раздела с середины до конца и затем вновь вернувшись к его началу, в соответствии с собственным видением проблематики и логики изучаемого вопроса. На наш взгляд, именно такой порядок чтения позволяет наиболее полно и глубоко понять мысль ученого.

Понятие «языковая норма» у аль-Фараби обозначается термином «аль-fasых» (الْفَاصِح) и «ас-сауаб» (الصَّوَاب), что в переводе с арабского языка означает «правильный», «литературный», а все, что противоречит норме, называется

терминами «хата» (خطا), «ляхн» (لحن), «гайр фасых» (قبيح), «кабих» (غير فسيح), «люкна» (عجمة) и «аджсама» (لکنة) – «неправильный»,

«нелитературный», «акцент в языке», «привнесенный». Давая определение языковой норме, философ замечает:

"فينشأ من نشأ فيهم على اعتيادهم النطق بحروفهم وألفاظهم الكائنة عنها وأقاويمهم المؤلفة عن ألفاظهم من حيث لا يتعدون اعتيادهم ومن غير أن ينطق عن شيء إلا مما تعود واستعمالها. ويمكن ذلك اعتيادهم لها في أنفسهم وعلى ألسنتهم حتى لا يعرفوا غيرها، حتى تحفو ألسنتهم عن كل لفظ سواها وعن كل تشكيل لتلك الألفاظ غير التشكيل الذي تمكن فيهم وعن كل ترتيب للأقواليل سوى ما اعتادوه. وهذه التي تمكنت على ألسنتهم وفي أنفسهم بالعادة على ما أخذوه من سلف منهم، وأولئك أيضاً عن من سلف، وأولئك أيضاً عن من وضعها لهم أولاً، بإكمال التي وضعها لهم أولئك. وهذا هو الفصيح والصواب من ألفاظهم، وتلك الألفاظ هي لغة تلك الأمة، وما خالف ذلك فهو الأعمى والخطأ من الألفاظ" [2, 141-142].

«По свойственным себе привычкам люди начали создавать речь своими собственными буквами и своими словами, образуя из них свои умозаключения, составляемые из присущих им слов. Выражая что-либо речью, они приумножили свои привычки и приучались использовать свои умозаключения. Эти их привычки закреплялись в их душе и в их языках таким образом, что кроме них они ничего иного не знали. Люди оберегали свой язык от любого иного слова, от любого иного состава слов, кроме того, что для них было привычным, и от любого иного порядка для своих умозаключений, кроме тех, к которым они привыкли. То, что по обычаю закрепилось в их языках и душах, было воспринято этими людьми от тех, кто им предшествовал, а те,

кто создал» это первым. И то, что было воспринято это у того, кто создал это первым. И то, что было воспринято от предшественников этими людьми, совершенствовалось. Правильность и красноречивость исходит от их слов, а слова эти и есть язык данного народа. Те же, кто отличается от них, те не арабы, и слов их они не понимают» [3, 124-125].

Таким образом, «исконно правильное» в языке – это то, что передается из поколения в поколение естественным путем, в силу практики и привычки, без вмешательства извне.

Далее философ развивает идею о том, у кого следует «перенимать язык», т.е. кто является наиболее верной инстанцией, авторитетом и надежным источником в языке:

"وقد يجب لذلك أن يعلم من الذين ينبغي أن يؤخذ عن الذين تمكنت عادة لهم على طول الزمان في ألسنتهم وأنفسهم تمكناً يحصلون به عن تخيل حروف سوى حروفهم والنطق بها، وعن تحصيل ألفاظ سوى المركبة عن حروفهم وعن النطق بها من لم يسمع غير لسانهم ولغتهم أو من سمعها وجفا ذهنه عن تخيلها ولسانه عن النطق بها.

وأما من كان لسانه مطاوعاً على النطق بأي حرف شاء مما هو خارج عن حروفهم وبأي لفظ شاء من الألفاظ المركبة عن حروف غير حروفهم وبأي قول شاء من الأقواليل المركبة من الألفاظ سوى ألفاظهم فإنه لا يؤمن أن يجري على لسانه ما هو خارج عن عادتهم الممكنة الأولى فيعود ما قد جرى على لسانه فتصرير عبارته خارجة عن عبارة الأمة ويكون خطأ ولحناً وغير فصيح. فإن كان مع ذلك قد خالط غيرهم من الأمم وسمع ألسنتهم أو نطق بها كان الخطأ منه أقرب أو أخرى، ولم يؤمن بما يوجد جاريًا في عادته أنه لغير تلك الأمة التي هو منهم. وكذلك الذين كانوا يحصلون عن النطق وعن تحصيل حروف سائر الأمم وألفاظهم – إذ كانوا يحصلون بما لم يكن عودوه أولاً من مخالطة أشكال ألفاظهم وإعراضها – إذا كثرت مخالطتهم لسائر الأمم وسماعهم بحروفهم وألفاظهم، لم يؤمن عليه أن تتغير عادته الأولى ويتتمكن فيه ما يسمعه منهم فيصير بحيث لا

يوثق بما يسمع منه" [2, 145-146].

«Возможно, для этого необходимо знать тех, от которых следует перенимать язык этого народа. И мы говорим, что следует

принять именно от тех, привычки которых в течение длительного времени в их языках и душах создают способность, благодаря

которой они делают невосприимчивым свое представление о буквах, кроме своих букв и их произношение, постижение слов, кроме тех, что составлены из своих букв, а также принять произношение этих букв и слов от тех, кто совсем не слышал ничего, кроме своего языка, а если и слышал, то мозг их не воспринимал их образы, а язык – произношение.

А что касается того, чей язык восприимчив к произношению любой буквы, которую он пожелает и которая является чужой по отношению к их буквам, любого слова или словосочетания, составленных из букв, которые не являются их буквами, а также любого суждения из сложных умозаключений, составленных из слов, не являющихся их словами, то он не может быть уверенным в том, что в его язык привносится то, что является внешним по отношению к их привычкам по первой установке. Затем он свыкается с тем, что привнесло в его язык, и его речевое выражение становится выражением, не присущим этому народу, а, следовательно, оно становится ошибочным, неправильным и нелитературным.

А если вместе с тем он общается с другим народом, слушая его язык и произнося его буквы, то погрешность от этого будет незначительная, но он не будет уверен в том, что привнесенное в его привычку может относиться не к тому народу, выходцем которого он является. Точно таким же образом те, кто не воспринимает буквы и слова иных народов и их произношение, поскольку они осторегались этого, потому что были приучены с самого начала различать свои слова по огласовкам и с изменением их по флексиям – если их общение с иными народами увеличивается,

"وَلَمَا كَانَ سُكَانُ الْبَرِّيَّةِ فِي بَيْوَاتِ الشِّعْرِ أَوِ الصُّوفِ وَالْخِيَامِ وَالْأَحْسِيَّةِ مِنْ كُلِّ أُمَّةٍ أَجْفَى وَأَبْعَدَ مِنْ أَنْ يَتَرَكُوا مَا قَدْ تَمَكَّنَ بِالْعَادَةِ فِيهِمْ وَأَحْرَى أَنْ يَحْصُنُوا نُفُوسَهُمْ عَنْ تَخْيِيلِ حِرْفَوْنَ سَائِرِ الْأَمَمِ وَالْفَاظِهِمِ وَالسَّنَتِهِمْ عَنِ النُّطُقِ بِهَا وَأَحْرَى أَنْ لَا يَخْالِطُهُمْ غَيْرُهُمْ مِنَ الْأَمَمِ لِلتَّوْحِشِ وَالْجَفَاءِ الَّذِي فِيهِمْ، وَكَانَ سُكَانُ الْمَدِينَ وَالْقَرَى وَبَيْوَاتُ الْمَدِيرِ مِنْهُمْ أَطْبَعَ وَكَانَتْ نُفُوسَهُمْ أَشَدَّ انْقِيادًا لِتَفْهُمِ مَا لَمْ يَتَعَودُوهُ وَلِتَصْوِرِهِ وَتَخْيِيلِهِ وَالسَّنَتِهِمْ لِلنُّطُقِ / بِمَا لَمْ يَتَعَودُوهُ، كَانَ الْأَفْضَلُ أَنْ تَوْزَعْ لِغَاتُ الْأَمَمِ عَنْ سُكَانِ الْبَرِّيَّةِ مِنْهُمْ مَتَى كَانَتِ الْأَمَمُ فِيهِمْ هَاتَانِ الطَّائِفَتَانِ. وَيَتَحْرِي مِنْهُمْ مَنْ كَانَ فِي أَوْسَطِ بَلَادِهِمْ. فَإِنْ مَنْ كَانَ فِي الْأَطْرَافِ مِنْهُمْ أَحْرَى أَنْ يَخْالِطُوا مَجَاوِرِهِمْ مِنَ الْأَمَمِ فَتَخَلَّطُ لِغَاتُهُمْ بِلِغَاتِ أُولَئِكَ، وَأَنْ يَتَخَلَّلُوا عَجَمَةً مِنْ يَجاوِرُهُمْ. فَإِنْهُمْ إِذَا عَامَلُوهُمْ احْتَاجُ أُولَئِكَ أَنْ يَتَكَلَّمُوا بِلِغَةَ غَرِيبَةَ عَنِ السَّنَتِهِمْ، فَلَا تَطَاوِلُهُمْ عَلَى كَثِيرٍ مِنْ حِرْفَوْنَ هُؤُلَاءِ، فَيَلْتَجِنُوا إِلَى أَنْ يَعْبُرُوا بِمَا يَتَأْتِي لَهُمْ وَيَتَرَكُوا مَا يَعْسُرُ عَلَيْهِمْ. فَتَكُونُ الْفَاظِهِمِ عَسِيرَةً قَبِيحةً وَتَوْجُدُ فِيهَا لَكْنَةً وَعِجمَةً مَأْخُوذَةً مِنْ لِغَاتِ أُولَئِكَ. فَإِذَا كَثُرَ سَمَاعُ هُؤُلَاءِ مِنْ جَاوِرِهِمْ مِنْ هَذِهِ الْأَمَمِ لِلْخُطَّابِ وَتَعَوَّدُوا أَنْ يَفْهُمُوهُ عَلَى أَنَّهُ مِنَ الصَّوَابِ لَمْ يَؤْمِنْ تَغْيِيرُ عَادِتِهِمْ، فَلَذِلِكَ لَمْ يَنْفَعِي أَنْ تَوْزَعْ عَنْهُمُ الْلِّغَةُ. وَمَنْ لَمْ يَكُنْ فَهِمُ سُكَانُ الْبَرِّيَّةِ أَخْذَتْ عَنْ أَوْسَطِهِمْ مَسْكَنًا" [2, 146].

если они многократно слушают их, их буквы и слова, они не будут уверены в том, что их изначальная привычка не изменится, а может укрепиться в них то, что было услышано от других, и станет так, что то, что услышано от других, будет неверным» [3, 127-1428].

Как очевидно из текста трактата, аль-Фараби использует сугубо философский подход при рассмотрении явления. Во-первых, он подразделяет людей, у которых можно перениматъ язык, на несколько категорий: 1) лица с закрытым, «законсервированным» языковым сознанием, языковая компетенция которых формировалась в течение длительного времени в моноязычной среде, без какого-либо влияния извне; 2) подобные им лица, которые вступая в контакт с другими народами, оказались при этом невосприимчивыми к чужеродным элементам в силу своей сложившейся сильной языковой компетенции; 3) лица с открытым для внешнего влияния языковым сознанием, которые в силу ослабленной языковой компетенции не разграничивают исконные звуки и формы в родном языке и привнесенные со стороны; в последующем их «речевое выражение становится не присущим этому народу, а следовательно, оно становится ошибочным, неправильным и нелитературным». По мнению философа, все три указанные категории людей в случае активного взаимодействия с другими народами и восприятия чужой речи теряют свою первозданную «чистоту» в языке и статус непрекаемого авторитета-источника.

Во-вторых, аль-Фараби, закрепляя свою мысль, руководствуется философским принципом «от общего к частному» и демонстрирует конкретные примеры того, у кого следует «перенимать язык», а у кого – не следует:

«Жители пустынь, живущие в палатках, шатрах и каменных домах, более скрытны и более склонны к тому, чтобы сохранить в себе то, что закрепилось в них по привычке. Для них является достойным делом уберечь свои души от представления о буквах другого народа, их слов, языка и их произношения и более достойным – несмешение с другими людьми, чтобы сохранить присущую им грубость и суровость. Жители городов, деревень и оседлых поселений более естественны и восприимчивы, их души более податливы пониманию, представлению и воображению того, что не является для них привычным, и их язык более податлив произношению того, что является для них непривычным.

Принять язык лучше от жителей пустыни, если мы имеем в виду эти две группы людей. Но нужно держаться тех, кто находится в середине их места обитания, ибо те, кто находится по сторонам, наилучшим образом общаются с сопредельными народами, их языки смешиваются с языками других, они представляют собой говор тех, кто с ними соседствует. И если они общаются с последними, им приходится говорить на чужом для них языке, и в большинстве случаев буквы соседствующих с ними народов им не поддаются, они прибегают к тому, чтобы выбрать то, что им соответствует, и отказаться от того, что dается им с трудом. Слова их становятся трудными и грубыми, в них вкрадываются акцент и говор, воспринятые из языка их соседей. Если живая речь тех, кто является соседом данного народа, содержит большое количе-

"وأنت تتبين ذلك متى تأملت أمر العرب في هذه الأشياء. فإن فيهم سكان البراري وفيهم سكان الأمصار. وأكثر ما تشاغلوا بذلك من سنة تسعين إلى سنة مئتين. وكان الذي تولى ذلك من بين أمصارهم أهل الكوفة والبصرة من أرض العراق. فتعلموا لغتهم والفصيح منها من سكان البراري منهم دون أهل الحضر، ثم من سكان البراري من كان في أوسط بلادهم ومن أشد هم توحشا وجفاء وأبعدهم إذاعنا وانقيادا، وهم قيس ونعمي وأسد وطي ثم هذيل، فإن هؤلاء هم معظم من نقل عنه لسان العرب. والباقيون فلم يؤخذ عنهم شيء لأنهم كانوا في أطراف بلادهم مخالطين لغيرهم من الأمم مطبوعين على سرعة انتقاد السنتهم للفاظ سائر الأمم المطيفية بهم من الحبشة والهند والفرس والسريانيين وأهل الشام وأهل مصر" [2, 147].

«Тебе станет ясно, когда ты поразмышиляешь над проблемой арабов в этих вещах. Среди них были и жители пустынь и жители городов. Больше всего этой проблемой были заняты с 90-х по 200-е годы. Те, кто взялся решить эту проблему, являются жителями

ство погрешностей, а этому народу привычно понимать, что речь эта правильная, то нет никакой гарантии в том, что их привычка может измениться. А поэтому не следует перениматъ их язык. Если нет жителей пустыни, то язык воспринимают от тех, кто живет в середине любого места обитания» [3, 128-129].

Таким образом, ученый проводит деление людей с точки зрения языковой компетенции, выделяя на первое место жителей пустыни в силу их сурового характера, изолированного образа жизни и несмешения с другими народами. При этом он замечает, что нужно держаться именно тех, кто находится в середине их места обитания. В случае отсутствия жителей пустыни язык рекомендуется перениматъ «от тех, кто живет в середине любого места обитания». На последнее место аль-Фараби помещает жителей городов, оседлых поселений, которые в силу взаимодействия с сопредельными народами, подобно находящимся по сторонам своего места обитания жителям пустынь, являются более податливыми влиянию извне, поэтому у них не следует перениматъ язык. Важно указать на то, что аль-Фараби при рассмотрении языковой нормы обращает внимание на ее фонетическую, лексическую и синтаксическую составляющие.

Ученый с присущим его стилю и методу перехода от общего к частному, от теории к практике для большей конкретизации описываемого явления приводит в качестве примера проблему арабов в этих вещах, что является закономерным в силу его долгого пребывания в Арабском халифате, где он глубоко изучил историю, культуру и реалии этого народа:

Куфы и Басры, что находятся в Ираке. Они взяли свой язык, правильный язык жителей пустынь, а не горожан, затем язык жителей, которые обитали в середине страны, которым в большей мере были присущи грубость и суровость и которые были наиболее далеки

от того, чтобы распространяться шире и подвергаться каким-либо воздействиям. Это – племена Кайс, Тамим, Асад («Асад» добавлено от автора статьи с опорой на оригинал), Тай, Хузайл. Они представляют собой большую часть людей, от которых заимствован язык арабов. Что касается других, то от них не взято ничего, потому что они находятся по сторонам их страны, они смешались с другими народами и по природе были склонны к быстрому подчинению своего языка языкам других народов, окружающих их. Это – Эфиопия, Индия, Персия, а также ассирийцы, сирийцы, египтяне» [3, 129].

В этом небольшом абзаце ученый резюмировал целый важный период в истории арабского языка (90-200 гг. по хиджре, что соответствует 670-780 гг. н.э.), связанный с собиранием нормативного арабского литературного языка, возникновением основных лингвистических школ в городах Басра и Куфа (находящихся на территории современного Ирака), со становлением и развитием арабской филологии, «одной из главных движущих идей которой была идея о норме «языка арабского, ясного» и о средствах достижения ясности» [1, 69-70].

Как известно, вместе с распространением ислама в орбиту влияния арабского языка входило все большее количество лиц неарабского происхождения, что сказалось как на изменении языковой ситуации в Арабском халифате, так и на судьбе самого арабского языка. А. Б. Халидов в своем фундаментальном очерке об арабском языке следующим образом обосновывает данное обстоятельство: «Арабское завоевание подорвало организационные устои прежних языковых коллективов, лишило привилегий ту узкую социальную прослойку, от которой зависело поддержание традиций, – бюрократию и служителей культа. И наоборот, обеспечило привилегии тем, кто пользовался арабским языком. Последний стал более престижным как язык победителей, их религии и общин, вступать в которую не возбранялось никому. А обращение в ислам налагало некоторые обязательства в употреблении арабского языка, хотя бы произнесения формулы вероисповедания и молитв. Владение арабским языком становилось одним из символов принадлежности к новому коллективу, социальнно-идеологической и культурной солидарнос-

ти его членов. Вступившие в ислам превращались в составной элемент мусульманской общины, влиявший на ее дальнейшие судьбы и внутреннюю историю, в том числе языковую...

Те же социально-исторические процессы не могли не сказаться на самом арабском языке. Действительно, долгому периоду его относительно изолированного развития наступил конец. Смешение разных племен в арабских армиях, военных лагерях и гарнизонах, новых поселениях и особенно в крупных городах привело к стиранию языковых различий между ними...

Приток арабизировавшихся по языку представителей других народов, простой количественный рост говоривших по-арабски интенсифицировали развитие арабского языка. В самом деле, это увеличение означало многократное возрастание числа актов речевой деятельности, из которых, собственно, и складывается актуальная жизнь языка. В каждом речевом высказывании реализуются новые комбинации языковых средств и открываются возможности для изменения языка на всех его формальных уровнях. К тому же люди, которые впервые начинали говорить по-арабски, не могли сразу утратить свои прежние речевые навыки и привносили их во вновь усвоемый... Даже природные арабы поддавались влиянию окружения и стали чаще допускать ошибки...

Именно тогда, когда живой арабский язык, который лег в основу классического поэтического языка, вступил на путь ускоренного развития и начал отходить от традиционного стабильного типа, терять отложенное равновесие системы, со всей осторожностью встал вопрос о нормативном языке для литературы и официального употребления. Без всяких колебаний эталоном был избран язык старый, уходящий в прошлое, но представленный еще в Коране, памятниках устной словесности и большинстве бедуинских диалектов. Этот язык усиленно закреплялся в письменности, разрыв между ним и новыми арабскими диалектами увеличивался...

Период поисков оптимального варианта системы арабского письма и устной передачи Корана вызвал громадный интерес к языковым вопросам и породил большое количество лингвистических наблюдений...

Единственным объектом изучения арабских грамматиков был арабский язык в тех формах, в каких он был представлен в речи бедуинов, не затронутых городской цивилизацией, в поэтических произведениях и Коране; главную свою цель они видели в том, чтобы выявить и установить норму этого языка. Установление нормы заключалось в демонстрации правильных форм и уместного их употребления и в попутном указании на невозможные формы, языковые ошибки, различные отклонения от того, что красиво, точно, выразительно, общепотребительно... Вариативность нормы была главным предметом споров и расхождений между грамматиками» [1, 51-53, 56-57].

Традиция посещать бедуинские кочевья с целью пройти языковую практику и совершенствоваться в языке была широко распространена среди городских арабов. Согласно представ-

лениям той эпохи, именно бедуины были носителями языкового идеала. Подобный подход к решению языковой проблемы характерен и для других народов. Казахи испокон веков рассматривали «ауыл» как очаг, сохраняющий все самобытное, исконное в первозданном виде – язык, культуру, традиции и обычай. В качестве примера можно вспомнить и традицию русского народа отправляться в деревни за сбором и записью образцов фольклора и т.д. Все это подтверждает всеобъемлющий и универсальный характер высказываемых аль-Фараби идей.

В трактате «Книга букв» в разделе о возникновении общих искусств философ, размышляя о появлении поэзии и риторики, развивает мысль и о том, у кого следует «перенимать» язык на следующем этапе, когда связь с жителями пустыни утрачивается или становится затруднительной или невозможной:

فَيُشْتَغلُونَ أَيْضًا فِي الْخُطُبِ وَالْأَشْعَارِ حَتَّى يَقْتَصِرُوا بِهَا الْأَخْبَارُ عَنِ الْأَمْوَالِ السَّابِقَةِ وَالْحَاضِرَةِ الَّتِي يَحْتَاجُونَ إِلَيْها. فَيَحْدُثُ فِيهِمْ رِوَاةُ الْخُطُبِ وَرِوَاةُ الْأَشْعَارِ وَحْفَاظُ الْأَخْبَارِ الَّتِي اقْتَصَتْ بِهَا. فَيَكُونُونَ هُولَاءِ هُمْ فَصَحَّاءُ تَلْكَ الْأَمْمَةِ وَبِلْغَاؤُهُمْ، وَيَكُونُونَ هُمْ حَكَمَاءُ تَلْكَ الْأَمْمَةِ أُولَا وَمُدِيرُو هُمْ وَالْمَرْجُوْعُ إِلَيْهِمْ فِي لَسَانِ تَلْكَ الْأَمْمَةِ، وَهُولَاءِ أَيْضًا هُمُ الَّذِينَ يَرْكِبُونَ لِتَلْكَ الْأَمْمَةِ الْفَاظَاتِ كَانَتْ غَيْرَ مُرْكَبَةَ قَبْلَ تَلْكَ، وَيَجْعَلُونَهَا مَرَادِفَةً لِلْفَاظَاتِ الْمُشْهُورَةِ، وَيَمْعَنُونَ فِي تَلْكَ وَيَكْتُرُونَ مِنْهَا، فَتَحْصُلُ الْفَاظُاتُ الْغَرِيبَةُ بِتَعْرِفَهَا هُولَاءِ وَيَتَعَلَّمُهَا بِعَضُّهُمْ عَنْ بَعْضٍ وَيَأْخُذُهَا غَيْرُهُمْ عَنْ سَالِفِهِمْ. وَأَيْضًا فَلَبِّيَهُمْ مَعَ تَلْكَ يَعْدُونَ إِلَيْهَا تَنْفِتُ لَهَا تَسْمِيَةُ مِنَ الْأَمْوَالِ الدَّاخِلَةِ تَحْتَ جَنْسٍ أَوْ نَوْعٍ. فَرِبَّمَا شَعَرُوا بِأَعْرَاضِ فَيَصِيرُونَ لَهَا أَسْمَاءً. وَكَذَلِكَ الْأَشْيَاءُ الَّتِي لَمْ يَكُنْ يَحْتَاجُ إِلَيْهَا ضَرُورَةً قَلْمَ يَكُنْ اتَّفَقَ لَهَا أَسْمَاءً، وَالْبَاقِيُونَ مِنْ تَلْكَ الْأَمْمَةِ سَواهُمْ لَا يَعْرَفُونَ تَلْكَ الْأَسْمَاءِ، فَيَكُونُ جَمِيعُ تَلْكَ مِنَ الْغَرِيبِ. فَهُولَاءِ هُمُ الَّذِينَ مِنْ يَتَامَّلُونَ الْفَاظَاتِ هَذِهِ الْأَمْمَةِ وَيَصْلَحُونَ الْمُخْتَلَفَاتِ مِنْهَا. وَيَنْتَظِرُونَ إِلَى مَا كَانَ النَّطَقُ بِهِ عَسِيرًا فِي أَوَّلِ مَا وَضَعَ فِي سَهْلَوْنَهُ وَإِلَى مَا كَانَ بَشَعَ الْمَسْمَوْعُ فِي جَطْلُونَهُ لِذَلِكَ الْمَسْمَوْعِ، وَإِلَى مَا عَرَضَ فِيهِ عَسِيرُ النَّطَقِ عَنْ تَلْكَ التَّرْكِيَّاتِ الَّتِي لَمْ يَكُنْ الْأَوَّلُونَ يَشْعُرُونَ بِهِ وَلَا عَرَضُ فِي زَمَانِهِمْ فَيَعْرُفُونَهُ أَوْ يَشْعُرُونَ فِيهِ بِشَاعَةِ الْمَسْمَوْعِ، فَيَحْتَلُونَ فِي الْأَمْرِيْنِ جَمِيعًا حَتَّى يَسْهُلُوا تَلْكَ وَيَجْعَلُوْهَا لَذِكَرَهُمْ فِي السَّمْعِ. وَيَنْتَظِرُونَ إِلَى اصْنَافِ التَّرْكِيَّاتِ الْمُمْكَنَةِ فِي الْفَاظِهِمِ وَالْقَرْتَبِيَّاتِ فِيهَا، وَيَتَامَّلُونَ أَبْهَا أَكْمَلَ دَلَالَةَ عَلَى تَرْكِيبِ الْمَعْنَى فِي النَّفْسِ وَتَرْتِيبِهَا، فَيَتَحَرَّرُونَ تَلْكَ وَيَنْبَهُونَ عَلَيْهَا، وَيَتَرْكِبُونَ الْبَاقِيَّةَ فَلَا يَسْتَعْمِلُونَهَا إِلَّا عَنْ ضَرُورَةِ تَدْعُوْ إِلَيْهِ تَلْكَ. قَصْرُ عَذْنَهَا الْفَاظَاتِ تَلْكَ الْأَمْمَةِ أَفْصَحُ مَا كَانَتْ، فَتَكْمِلُ حَدَّ تَلْكَ لِفَقْهِهِمْ وَلِسَانِهِمْ. ثُمَّ يَأْخُذُ النَّاثِنُونَ هَذِهِ الْأَشْيَاءِ عَنِ الْسَّالِفِ عَلَى الْأَحْوَالِ الَّتِي سَعَاهُمْ مِنَ السَّالِفِ، وَيَنْشُرُ عَلَيْهَا وَيَتَعَودُهَا مَعَ مَنْ نَشَاءَ، إِلَى أَنْ تَمْكِنَ فِيهِ تَمْكِنَةً يَحْفَرُ بِهِ أَنْ يَكُونَ نَاطِقًا لِغَيْرِ الْأَفْصَحِ مِنَ الْفَاظِهِمِ. وَيَحْفَظُ الْغَائِرُ مِنْهُمْ مَا قَدْ عَمِلَ بِهِ الْمُاضِي مِنَ الْخُطُبِ وَالْأَشْعَارِ وَمَا فِيهَا مِنَ الْأَخْبَارِ وَالْأَدَابِ.

وَلَا يَزَّلُونَ يَتَداوَلُونَ الْحَفْظَ إِلَى أَنْ يَكْتُرُ عَلَيْهِمْ مَا يَلْتَمِسُونَ حَفْظَهُ وَيَعْسِرُ فِي حِجْوَهِمْ تَلْكَ إِلَى الْفَكْرِ فِيمَا يَسْهُلُونَهُ بِهِ عَلَى أَنفُسِهِمْ قَسْتَنْطِنْطِيلِيَّةَ، وَيَكُونُونَ فِي أَوَّلِ امْرِهِمْ مُخْتَلَطَةً إِلَى أَنْ تَصْلَحَ قَلِيلًا قَلِيلًا عَلَى طَوْلِ الزَّمَانِ وَيَحْاكِي بِهَا الْفَاظَاتِ وَتَشْبِيهُ بِهَا وَتَقْرَبُ مِنْهَا أَكْثَرَ مَا يَمْكُنُ، عَلَى مَا فَعَلُوا قَدِيمًا بِالْفَاظَاتِ بَالْأَلْفَاظِ بَأْنَ قَرْبُوهَا فِي الشَّبَهِ مِنَ الْمَعْنَى مَا أَمْكَنُوهُمْ مِنَ التَّقْرِيبِ. فَيَدْعُونَ بِهَا فِي الْكُتُبِ مَا عَسَرَ حَفْظَهُ عَلَيْهِمْ وَمَا لَمْ يَؤْمِنْ بِهِنَّ يَسْسِي عَلَى طَوْلِ الزَّمَانِ وَمَا يَلْتَمِسُونَ إِيقَادَهَا عَلَى مَنْ بَعْدِهِمْ وَمَا يَلْتَمِسُونَ تَعْلِيمَهَا وَتَفْهِيمَهَا مِنْهُمْ هُوَ نَاءٌ عَنْهُمْ فِي بَدْأِ أَوْ مَسْكِنِ آخِرِ.

ثُمَّ مِنْ بَعْدِ تَلْكَ يَرْبِي أَنْ يَحْدُثُ صَنَاعَةُ عِلْمِ اللَّسَانِ قَلِيلًا قَلِيلًا بَأْنَ يَتَشَوَّقُ إِنْسَانٌ إِلَى أَنْ يَحْفَظَ الْفَاظِهِمِ الْمَقْرَرَةَ الدَّالَّةَ بَعْدَ أَنْ يَحْفَظَ الْأَشْعَارَ وَالْخُطُبَ وَالْأَقَاوِيلِ الْمُرْكَبَةَ، فَيَتَحَرَّرُ أَنْ يَفْرَدُهَا بَعْدَ التَّرْكِيبِ، أَوْ أَرَادَ التَّقْفَاطُهَا بِالْمَسْمَاعِ مِنْ جَمِيعِهِمْ وَمِنَ الْمُشْهُورِيْنِ بِاسْتِعْمَالِ الْأَفْصَحِ مِنَ الْفَاظِهِمِ وَفِي مَخَاطِبَاتِهِ كُلُّهَا وَمِنْ كُلِّ عَنِ بِحْفَظِ خَطِيبِهِمْ وَأَشْعَارِهِمْ وَأَخْبَارِهِمْ أَوْ مَمْنَنْ سَمَعَ مِنْهُمْ، فَيَسْمَعُونَهَا مِنْ وَاحِدٍ وَاحِدٍ مِنْهُمْ فِي زَمَانٍ طَوِيلٍ، وَيَكْتُبُ مَا يَسْمَعُهُ مِنْهُمْ وَيَحْفَظُهُ» [2, 143-145].

«Люди занимались тем, что использовали речи и стихи для передачи информации о делах предыдущих и настоящих, в которых они нуждались. Так, у народа появились передатчики речи и стихотворений, и хранители информации, через которых все это передавалось. Они обладали красноречием и были риторами своего народа, они были первоначально его мудрецами и установителями, они были теми, кто заново вернул язык этому народу. Они были теми, кто в языке этого народа образовали такие словосочетания, которые прежде не были таковыми. Они определили синонимы известным словам, сделав это основательно и умножив их количество. Иностранные слова, заимствованные предыдущими поколениями, они разъясняли людям, а те узнавали их друг от друга и заучивали. Вместе с тем они также обращались к вещам, которым не соответствовали их названия по внутренним свойствам, имея в виду их род или вид. Возможно, они ощущали признаки вещей и давали им названия. Точно так же обстоит дело и с теми вещами, в которых они не испытывали особой потребности и которым не соответствовали их названия, тогда они давали им свои названия. Все остальные люди, за исключением этих риторов, не знали этих названий, поскольку они были для них чужими.

Те, кто размышлял над словами данного народа, поправлял в них погрешности. Они обращали внимание на то, произношение чего давалось с трудом. Первое, что они делали, это облегчали произношение, безобразное на слух они делали приятно слышимым. Они также обращали внимание на то, какова была трудность произношения при тех соединениях, которую первые люди не ощущали и которая в их время не проявлялась, но риторы знали об этом и ощущали безобразность слышимого. И тогда они ухитрялись облегчить произношение и сделать его приятным для слуха. Они также обращали внимание на виды возможных сочетаний слов и их порядок. Они размышляли над тем, какие из них более совершенным образом указывают на сочетание идей в душе и их порядок, и с особым вниманием они (риторы – К.Т.) их исследовали, от остальных они отказывались

и пользовались ими только при особой необходимости. Таким образом, слова у данного народа становились более правильными, чем это было прежде, и язык его при этом совершенствовался.

Тот, кто начинает это дело, берет эти вещи от предыдущих поколений в таком состоянии, в каком он слышит от них об этих вещах. Он их определяет и привыкает к ним вместе с теми, кто воспитал его самого. И это продолжается до тех пор, пока не укрепится в нем способность, благодаря которой он старался быть понятным для других самыми правильными их словами. Прошлое поколение сохранило от предыдущих то, что было накоплено из речей и стихов и имеющихся в них известий и исторических данных о более отдаленном прошлом.

Они продолжали передавать друг другу заученное с тем, чтобы увеличить для себя то, что они искали в заученном, а это представлялось им делом трудным, и это принудило их облегчить для себя это занятие, так возникает письмо. С самого начала оно было беспорядочным, но с течением длительного времени оно исправлялось, слова имитировались письмом, подражая ему и приближаясь к нему более, чем это было возможно, по примеру того, как это делали со словами в стариину, приближая их к подобиям идей, насколько это было возможно. Они записывали ими в книгах то, что трудно было запомнить, то, в чем они не были уверены, потому что было забыто во времени, и то, что они хотели оставить тем, кто будет после них, и то, чему они хотели обучить и объяснить тем, кто удален от них и находится в другой стране и в другом месте обитания.

Затем, как мы видим, постепенно возникает искусство языкоznания, поскольку человек желает сохранить простые осмысленные речения, после того, как он сохранил стихи, речи и сложные умозаключения. Он исследует их с тем, чтобы отделить их после соединения, или перенять их от определенной группы людей или тех, кто известен тем, что использует в своих речах самые правильные выражения, и от тех, кто заботится о сохранности своих речей, стихов и известий, или тех, кто слышал их от указанных выше

людей. Каждого человека он слушает в течение длительного времени, затем записывает и заучивает все то, что слышит от них» [3, 125-126].

Текст содержит весьма ценное указание на то, как в дальнейшем язык совершенствуется благодаря усилиям отдельных лиц, которые делают его более гибким, красивым, красноречивым и богатым. В большинстве случаев с такой миссией выступают риторы, хранители и передатчики образцов прозы и поэзии, фольклора и т.д.

Таким образом, схему передачи и сохранения нормативного языка можно представить следующим образом:

«жители пустынь или центральных районов обитаемой территории как передатчики и хранители чистого языкового «кода» → «риторы, совершающие языком» → «грамматики, устанавливающие правила на основе имеющегося собранного языкового материала».

В данном сообщении была предпринята попытка нового прочтения и осмысливания главы «Возникновение общих искусств» трактата «Книга букв», в которой аль-Фараби дает глубокий и развернутый анализ понятия «языковая норма» в целом, конкретизируя его примерами из истории арабского языка в контексте существовавшей языковой ситуации в Арабском халифате.

Подводя итог сказанному, можно заметить, что «Второй учитель» еще в средневековье высказал идеи, которые нашли подтверждение в трудах последующих ученых, о том, что «язык не наследуется биологически, а передается от од-

ного поколения к другому посредством длительного обучения внутри языковых коллективов. При обычных обстоятельствах это тот язык, который родители получили от своих предков, и который дети усваивают, подражая окружающим, и владеют им в течение всей жизни. Так языки существуют из века в век. Только вмешательство со стороны, воздействие мощных сил извне может подорвать этносоциальные группы и нарушить естественный способ функционирования и воспроизводства языка. Тем не менее, межязыковые контакты, смешение языков, их взаимная борьба и вытеснение происходят часто, почти столь же регулярно, как и стабильное существование одноязыковых коллективов» [1, 50]. Идеи ученого касательно языка носят универсальный характер, в его трудах разрабатываются вопросы именно общего языкознания в приложении к различным языкам мира. Аль-Фараби, будучи философом, рассматривает явления полно и разносторонне, раскрывая все грани вопроса. Данное обстоятельство выгодно отличает метод и стиль ученого и в отношении других поднимаемых им проблем.

ЛИТЕРАТУРА

- Халидов А.Б. Арабский язык / Очерки истории арабской культуры V–XV вв.
- أبو نصر الفارابي. كتاب الحروف. – بيروت، 1990
- Абу Наср аль-Фараби. Книга букв. Перевод, примечания и вводная статья К.Х. Таджиковой. – Алматы, 2005.

Резюме

Мақалада атақты ортағасырлық ойшыл, философ Әбу Нәсір әл-Фарабидің тілдік норма туралы көзқарастары мен пікірлері карастырылады.